

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА
ОГНЕННАЯ КРОВЬ

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

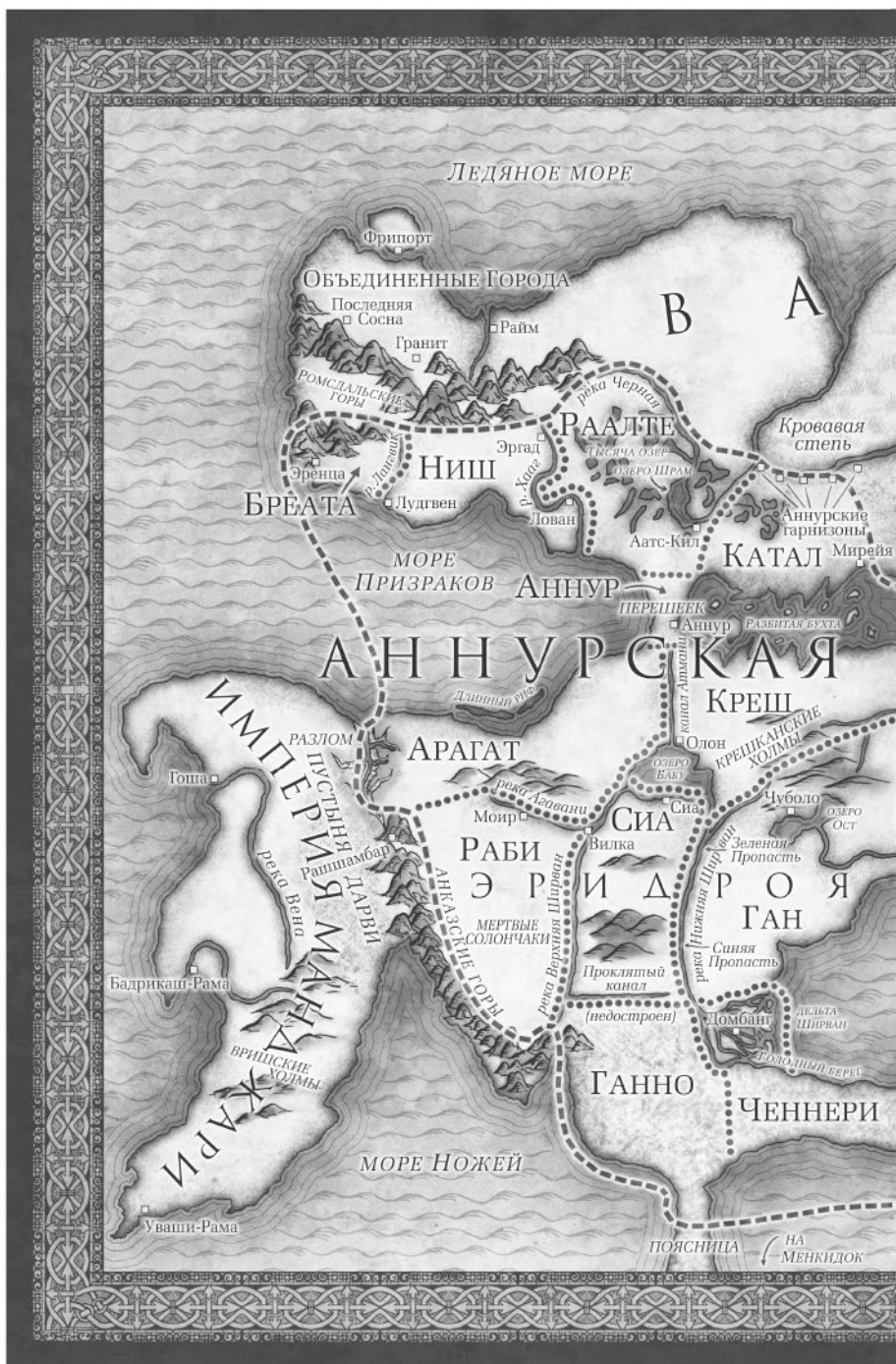
—————

Хроники Нетесаного трона. Книга 2

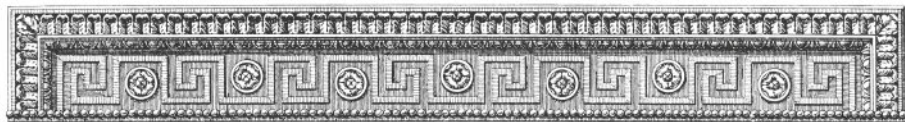
БРАЙАН
СТЕЙВЛИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРОЛОГ

К тому времени, когда Сиюана шагнула с верхней ступеньки лестницы в жестокий ночной холод на вершине башни, легкие у нее горели пожаром, как и улицы далеко внизу. Подъем длился не один час — точнее сказать, полночи. Сопровождавший ее гвардеец не выглядел усталым, но ведь он, как всякий из эдолийской стражи, раз в месяц в полном вооружении взбегал на вершину Копья Интарры и теперь без труда поспевал за немолодой императрицей с тремя маленькими детьми. А вот она едва держалась на ногах. Каждая площадка манила остановиться, присесть, прислониться спиной к деревянным опорам лестницы, закрыть глаза и провалиться в сон.

«Уж очень я раскисла, — снова и снова повторяла она себе, потому что только упреками удавалось подстегнуть подгибающиеся ноги. — Разнежили меня мягкие постели».

По правде говоря, она больше беспокоилась за детей, чем за себя. Все они уже поднимались на вершину Копья, но в такой спешке — впервые. Обычно подъем растягивался на два дня, в перерывах можно было подкрепиться и отдохнуть на заранее разостланных рабами перинах. Тогда восхождение было в удовольствие, а до такой свирепой гонки дети еще не доросли. Но муж настаивал. А императору Аннура не противоречат.

— Это их город, — сказал ей Санлитун. — Сердце империи. Они должны его видеть. Впереди их ждут трудности и похуже этого подъема.

Сам-то он не подумал пешком взбираться на башню, поцелуй ее Кент. Крыло кеттрал — пятеро одетых в черное мужчин

и женщин с суровыми взглядами — вознесло императора на вершину Копья на своей ужасающе огромной хищной птице. Сиюана понимала причину спешки: город терзали пожары, и мужу нужно было увидеть их сверху, чтобы обдумать план спасения. Аннур не мог дожидаться, пока император одолеет десять тысяч ступеней.

Кеттрал предлагали вернуться и за ней с детьми, но она отказалась. Санлитун уверял, что птица ручная, но ручная не значит кроткая, и Сиюана не собиралась доверять детей когтям твари, способной одним махом порвать на куски быка.

И вот, пока император с высоты командовал тушением пожаров, Сиюана с великим трудом одолевала лестницу, проклиная и требовавшего ее к себе мужа, и свои годы. Эдолиец шагал бесшумно, а вот дети, растеряв первый энтузиазм, выбивались из сил. Адер была старше и сильнее братьев, но и ей было всего десять, и девочка очень скоро начала шумно пыхтеть. Кадену и Валину приходилось хуже. Ступени — позднее человеческое сооружение внутри невероятной древней башни из закаленного стекла — были высоки для коротких детских ног, и мальчики то и дело спотыкались, задевая боками и локтями деревянные перекладины.

Первые тридцать этажей лестница вилась между министерскими канцеляриями и роскошными покоем. Приспособленные для людей комнаты кончались на тридцатой площадке. Выше тянулась представлявшаяся бесконечной прозрачная скорлупа, где шаткая лестница, подвешенная в центре невиданной стеклянной колонны, витками поднималась вверх и вверх в огромной пустоте. Еще через сто шагов она пронизывала тюремную площадку из сплошной стали — и карабкалась дальше. Днем могло показаться, будто взбираешься внутри столба чистого света. А вот ночью пустота вокруг кружила голову и даже пугала. Ничего, кроме винтовой лестницы в темноте и гневного зари-ва горящего Аннура за стенами Копья.

Муж требовал не медлить, но Сиюана, решив, что город может гореть и без них, на каждой площадке уговаривала детей передохнуть. Однако Адер скорее умерла бы, чем разочаровала отца, а Валин с Каденом, как бы плохо им ни приходилось, угрюмо держались, молча поглядывая друг на друга в откровенной надежде, что брат сдастся первым.

Выбравшись наконец из люка на вершине, все трое валились с ног, поэтому Сеоана раскинула руки, отгораживая детей от парапета на краю продутой ветром вершины Копья Интарры. Могла бы не трудиться. Эдолийцы — Фултон и Бирч, Иан и Трелл — уже обступили детей, даже здесь храня их от неуклонной и невидимой угрозы. Она, с проклятиями на языке, обернулась к мужу, но осеклась перед лицом пожиравшего город пожара.

Конечно же, они видели его изнутри Копья — разбитые стеклянными стенами яростные отблески, — но отсюда, с невероятной высоты башни, улицы и каналы казались линиями на карте. Протянув руку, Сеоана ладонью закрыла бы целые кварталы: Кладбищенский или Нижний рынок, Западные псарни или Доки. А вот потушить пожар не сумела бы. В начале подъема докладывали, что горит на западной окраине Аннура — злое пламя ограничивалось десятком улиц. Но за время их нескончаемого восхождения огонь распространился, ужасающе распространился, пожрав все к западу от дороги Призраков, и теперь, раздуваемый свежим ветром с моря на западе, лизал восточный конец дороги Богов. Она попробовала подсчитать, сколько сгорело домов, сколько оборвалось жизней. Но не сумела.

Санлитун обернулся на стук захлопнувшейся крышки люка. Сколько лет они были женаты, а она до сих пор терялась под его взглядом. Адер и Каден унаследовали горящие радужки отца, но в детских глазах свет казался теплым, дружелюбным, как огонь камина зимой или солнечный блеск. Глаза Санлитуна горели ровным бесстрастным пламенем, в их свете не было ни тепла, ни дыма. И лицо его ничего не выражало. Можно было подумать, он полночи любовался, как звезды движутся своим путем в темноте или лунном сиянии над волнами, а не сражался с губившими его город пожарами.

Она почувствовала, как подтянулась Адер под взглядом Санлитуна. Потом, у себя в покоях, девочка рухнет без сил, но в присутствии отца, как ни дрожали измученные подъемом ноги, она отказывалась опереться на мать. Глаза Кадена при виде города сделались круглыми как плошки. Казалось, он один здесь, наверху, — семилетний ребенок наедине с пламенем. Только Валин ухватился за ее руку, переплел ее пальцы своими, маленькими, и переводил взгляд с пожара на отца и снова на пожар.

— Вы успели, — сказал император, указывая на темные городские кварталы.

— Что успели? — резко откликнулась Сиюана, задыхаясь от гнева. — Посмотреть, как сгорят десять тысяч людей?

Ответив ей долгим взглядом, муж кивнул.

— В том числе, — тихо сказал он и обернулся к стоявшему рядом писцу.

— Пусть поджигают, — велел он. — По всей длине Анлатунской дороги — от южной до северной границы города.

Писец прилежно склонился над пергаментом, начертал кистью несколько слов, приподнял листок, давая туши высохнуть, а потом поспешно свернул, засунул в бамбуковую трубку и опустил ее в узкую шахту посередине Копья. Сиюана поднималась на Шаэлем клятую башню полночи, а приказ императора будет на месте в считанные мгновения!

Отдав распоряжение, Санлитун вновь обернулся к детям:

— Вы поняли?

Адер прикусила губу. Каден молчал. Только Валин шагнул вперед, сощурившись от огня и ветра. Он повернулся к укрепленным на парапете длинным трубам с линзами, взял одну и поднес к глазам.

— Но Анлатунская не горит, — возразил он, посмотрев в окуляр. — Огонь еще несколькими кварталами западнее.

Отец кивнул ему.

— Зачем тогда...

Мальчик не договорил, в его темных глазах мелькнуло понимание.

— Ты зажигаешь второй пожар, — сказала Адер, — против первого.

Санлитун снова кивнул:

— Оружие будет щитом. Враг станет другом. Сгоревшее больше не загорится.

Очень долго семья стояла молча, не сводя глаз с прогрызающего себе путь на запад пожара. От трубы с линзами отказалась только Сиюана. Она и без нее видела все, что нужно. Огонь медленно и неумолимо продвигался вперед, пока против его красно-золотого ужаса не вспыхнул западный конец города. Загорелись новые огни — поначалу отдельные точки быстро слились в прямую линию и превратили западный край широкой Анлатунской дороги в огненную реку.

— Получилось, — заметила Адер. — Новый пожар идет на запад.

— Хорошо, — резко сказала Сеоана, поняв наконец, что хотел показать им муж, чему хотел научить; ей вдруг отчаянно захотелось уберечь детей от этого зрелища и этой науки. — Хватит с них.

Она потянулась, чтобы забрать у Адер трубу, но девочка отдернула ее и вновь направила на двойной пожар. Встретив гневный взгляд жены, Санлитун поймал ее руку.

— Нет, — тихо сказал он. — Не хватит.

Каден наконец понял.

— Люди! — вскрикнул он. — Они разбежались, спасались на востоке, а теперь им не уйти!

— Они попались! — Адер выронила трубу и развернулась к отцу лицом. — Они в ловушке! Сделай что-нибудь!

— Он уже все сделал, — предположил Валин (страшно было видеть надежду в обращенных на императора детских глазах). — Ты ведь уже отдал приказ? До того, как мы пришли? Ты их предупредил...

Мальчик осекся, прочитав ответ в холодном сиянии отцовских глаз.

— Что я мог приказать? — заговорил Санлитун голосом тихим и неумолимым, как ветер. — Между линиями пожаров живут тысячи людей, Валин. Десятки тысяч. Многие бежали, но как мне спасти тех, кто не успел?

— Но ведь они сгорят, — прошептал Каден.

Император медленно кивнул:

— Уже горят.

— Зачем?! — воскликнула Сеоана.

Она не знала, плачет ли по горящим в своих домах горожанам, чьи крики не долетали на высоту башни, или по своим детям, в ужасе уставившимся на далекие огни.

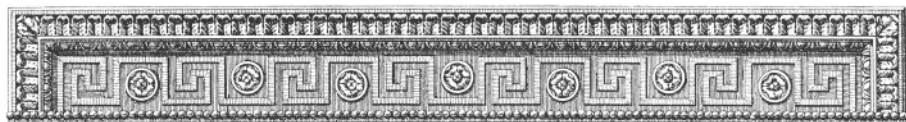
— Зачем им это видеть?

— Когда-нибудь империя перейдет им.

— Чтобы править, защищать — а не губить!

Санлитун все еще держал ее за руку, но взгляда не сводил с детей.

— Они не смогут править империей, — проговорил он с глазами немymi, как звезды, — пока не будут готовы увидеть ее в огне.

I

Стараясь не замечать ни холода гранита под собой, ни жара бьющего в спину солнца, Каден уй-Малкениан подвинулся вперед, чтобы лучше видеть разбросанные внизу каменные строения. Резкий ветер, принесший стынь нарастающих снегов, драл ему кожу. Он вздохнул, вытягивая тепло изнутри, разгоняя по телу, сдерживая подступающую дрожь. Хотя этому он хорошо выучился за годы монашества. Этому — и больше почти ничему.

Валин рядом с ним шевельнулся, окинул взглядом пройденный путь и снова обратился вперед.

— Вы по этой тропе бежали? — спросил он.

Каден мотнул головой:

— Мы прошли вон там. — Он указал на силуэты каменных шпилей на фоне неба. — Под Когтем, потом восточней Скачка Бьюри, Черного и Золотого Ножей. Шли ночью, а там зверская круча. Надеялись, что тяжеловооруженные солдаты за нами не угонятся.

— Удивляюсь, что угнались.

— Вот и я удивился, — кивнул Каден.

Он приподнялся на локтях, чтобы заглянуть за каменный гребень, но Валин оттащил его назад.

— Голову не высовывайте, ваше сияние, — проворчал он.

Ваше сияние! Титулование до сих пор звучало неестественно, казалось неверным и хрупким, словно весенний лед на горном озерце, когда вся его искрящаяся гладь стонет под ногой, готовая дать трещину при первом неосторожном шаге. Слы-

шать это обращение от других было нелегко, а уж от Валина — почти невыносимо. Они, хоть и провели долгие годы врозь, хоть и стали теперь, нажив каждый свои тайны и шрамы, взрослыми, самостоятельными и почти чужими друг другу, все же были братьями. Без малого десять лет обучения не могли стереть из памяти Кадена образ того бесшабашного мальчишки, с которым он гонял по переходам Рассветного дворца, играя в клинки-разбойники. Официальный титул в устах Валина словно вымарывал его прошлое, уничтожал детство, замещая его жестоким настоящим.

Монахи, конечно, сказали бы, что так и надо. «Прошлое есть сон, — говорили они. — Будущее есть сон. Существует только сейчас». А значит, те же монахи, вырастившие и воспитавшие его, теперь уже не люди. Они — падаль, трупы, разбросанные по уступам вниз.

Валин, ткнув пальцем за укрывавшие их камни, оторвал брата от размышлений:

— Мы по-прежнему далеко, но у ублюдков, перебивших твоих друзей, могут быть подозрные трубы.

Каден насупилсся, возвращаясь к действительности. Он и не вспомнил о трубах: если ему и требовалось напоминание, как мало замкнутая жизнь в Ашк-лане подготовила его к коварным течениям жизни мирской, то вот оно. Он научился рисовать, медитировать, целыми днями носиться по крутым тропам, но рисование, бег и медитация — плохое средство против заговорщиков, убивших его отца, перерезавших монахов хин и чуть не убивших его самого. Каден не в первый раз поймал себя на зависти к воинской подготовке Валина.

Восемь лет Каден умирал в себе надежды и желания, страхи и печали, вел нескончаемую битву с самим собой. Хин снова и снова повторяли свою премудрость: «Надежда режет острее стали. Желание есть лишение. Заботы есть смерть». В их словах крылась истина — куда больше истины, чем представлялось Кадену, когда он ребенком попал в горы, — но если он чему и научился за последние кровавые, полные смерти и смятения дни, так это пониманию пределов этой истины. Оказалось, что и сталь бывает достаточно остра. И пусть цепляться за свое «я» смертельно опасно, только вот нож в сердце убивает вернее.

Последние несколько дней враги Кадена множились куда быстрее его личных неудач, и эти новые враги носили блестя-

щие доспехи, сжимали в руках мечи и произносили тысячи лживых слов. Чтобы выжить, чтобы занять место отца на Нетесаном троне, он должен разбираться в подзорных трубах и мечах, в политике и в людях — во всем, чем пренебрегали хин, целиком отдавшись обучению послушников транс пустоты, ваниате. На восполнение пробелов могут уйти годы, а у него этих лет нет. Отец погиб, уже несколько месяцев как мертв, а значит, Каден уй-Малкениан, готов он к этому или нет, теперь император Аннура.

«Пока меня кто-нибудь не прикончит», — добавил он про себя.

Учитывая события последних дней, такой исход представлялся разительно правдоподобным. Люди с оружием, получившие приказ убить его и уничтожить монастырь, достаточно пугали Кадена, и уж вовсе не верилось, что это были представители эдолийской гвардии, присягнувшей его защищать, а распоряжение им отдавали аннурцы с самой вершины имперской пирамиды власти. Пожалуй, возвращение в столицу, чтобы занять Нетесанный трон, представлялось самым верным способом помочь врагам завершить начатое.

«Конечно, — угрюмо размышлял Каден, — чтобы погибнуть в Аннуре, мне пришлось бы сперва добраться до Аннура, а это само по себе можно было бы считать победой».

Валин указал на кромку укрывавшего их каменного бруствера.

— Когда выглядываешь, двигайся медленно, ваше сияние, — посоветовал он, — движение привлекает взгляд.

Хоть это Каден и сам знал. Много лет выслеживая скалистых львов и потерявшихся коз, он научился быть незаметным. Он перенес вес тела на локти и мало-помалу продвинулся туда, где его глаза оказались выше невысокого каменного хребта. Внизу, чуть западнее, может в четверти мили от них, примостился на узком скальном уступе под огромным острым пиком одинокий монастырь Ашк-лан, убежище монахов хин и дом Кадена.

Вернее, то, что от него осталось.

Каден помнил Ашк-лан холодным, но светлым, дочиства выскобленным — строгой громадой серого камня на фоне голубой тверди неба. Он прятался среди широких снежных языков, выбрасывавших блестящие ленточки рек, среди блеска льда на серых обрывах. Эдолийцы с ним покончили. На уступах и валу-

нах чернели широкие полосы копоти, от можжевельника огонь оставил только почерневшие пни. Трапезная, зал медитации и спальный корпус превратились в развалины. Светлый камень стен не горел, зато деревянные балки, кровли, оконные рамы и широкие двери уступили пламени и, обвалившись, увлекли за собой часть кладки. Даже небо потемнело, замаранное жирным чадом пожара.

— Вон они, — заговорил Валин, указывая на движущиеся на северном краю монастыря фигурки. — Эдолийцы. Разбили лагерь. Должно быть, ждут Мисийю Ута.

— Долго будут ждать! — ухмыльнулся Лейт, подобравшись к братьям.

До знакомства с крылом Валина Каден знал о кеттрал, самых таинственных и смертоносных воинах Аннура, только из детских сказок. Его воображение рисовало мрачных убийц-разрушителей с пустыми глазами, по колено в крови. В чем-то сказки не ввали: черные глаза Валина были холодней прошлогодних углей, а Лейт, пилот его крыла, как будто и думать не думал об оставшихся внизу развалинах и трупах. Несомненно, это солдаты, дисциплинированные, отлично обученные, — только вот Кадену они казались слишком юными.

Лейт охотно улыбался, с явным удовольствием злил Гвенну и дразнил Анник, заскучав — а скучал он часто, — барабанил пальцами по колену... Все это хин выбили из Кадена еще на первом году учения. Не сомневаясь, что крыло Валина умеет и летать, и убивать, Каден все же ловил себя на тревожной мысли: готовы ли эти юнцы к предстоящей трудной дороге? Нет, он и сам к ней не готов, но приятно думать, что хоть кто-то владеет положением.

Мисийю Ута, по крайней мере, опасаться не приходилось. Могучего эдолийца в полном вооружении и доспехе убила молодая женщина с парой ножей в руках — Кадену нелегко было бы в это поверить, если бы он своими глазами не видел тела. Глядя на труп, он ощутил в себе приглушенное удовлетворение, как будто гряда металла и мертвой плоти отчасти уравнивала весы, на другой чаше которых лежали остальные погибшие.

— Не возьмется ли кто протащить в их лагерь труп Ута? — предложил Лейт. — Можно пристроить его так, будто он захрапел, упившись эля. Интересно знать, скоро они заметят, что мерзавец не дышит?

Он, подняв брови, поглядел на братьев:

— Не хотите? Что, мы здесь не за этим?

Они вернулись к Ашк-лану утром: перелетели на запад от своего убогого лагеря в сердце Костистых гор — того самого лагеря, где сразились с преследователями и перебили их. С эдолийцами и с изменниками кеттрал. Перед отправлением довелось горячо поспорить: все сходились на том, что надо слетать посмотреть, нет ли выживших, и попытаться выведать что-нибудь у аннурских солдат, которых Ут и Тарик Адив в погоне за Каденом оставили позади. А спорили, кому лететь.

Валин полагал рискованным брать кого-то, кроме собственного крыла, но Каден напомнил: чтобы разобраться в паутине козых тропок вокруг монастыря, ему нужен знающий местность человек. Первым кандидатом, конечно, представлялся Рампури Тан: он лучше Кадена знал Ашк-лан, не говоря о том, что в отличие от ученика был настоящим бойцом, — и сам пожилой монах, как видно, не сомневался, что будет участвовать в вылазке, несмотря на слова Валина. А вот Пирр доказывала: возвращаться в монастырь вообще глупо.

— Монахи мертвы, да распустит Ананшаэль вязанье их девственных душ, — напомнила она. — Тормоша трупы, вы им ничем не поможете.

Каден задумался, каково быть убийцей, поклоняться богу смерти, сжиться со смертью до того, что та не пугает и не удивляет. Однако он хотел вернуться не ради погибших. Оставался зыбкий шанс, что солдаты перебили не всех монахов — кого-то захватили в плен. Он сам не знал, что мог бы сделать в этом случае, и все же при поддержке крыла надеялся освободить одного-двоих. И уж по крайней мере, увидел бы все своими глазами.

Тан отмел это соображение как сентиментальную дурь. Он считал нужным вернуться, чтобы понаблюдать за уцелевшими эдолийцами, разведать что-нибудь об их намерениях. Чувство вины, мучившее Кадена, представлялось Тану лишним доказательством, что тот так и не научился подлинной отстраненности. Наверное, старый монах был прав. Настоящий хин с корнем бы вырвал те тугие кольца, что сжимали ему сердце, и один за другим срезал бы шипы чувств. Вот только хин, не считая Тана и самого Кадена, не осталось в живых: все двести монахов убиты — из-за него — в одну ночь; двести мужчин и мальчиков,